

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
К29

Катюк, Георгий Петрович.

К29 Запад и Русь: истоки противостояния / Георгий Катюк. —
Москва : Алгоритм, 2016. — 272 с. — (Исторические открытия).

ISBN 978-5-906880-44-4

В книге представлена нетрадиционная версия возникновения противостояния «Восток — Запад», на острие которого оказалась Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства нашей страны, на которые положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. По мнению автора, натиск на Восток, как и вообще русофобия, есть продолжение политики Запада в отношении Византии, преемницей которой и стала Россия — «Третий Рим», по выражению монаха Филофея. Узурпировав политическое первенство, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни — патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия.

Главным инструментом этого политического передела стали, по мнению автора, крестовые походы. Основной их целью, как убедительно доказывает Г. Катюк, была вовсе не защита христианских святынь, а принуждение Константинополя к принятию западной модели христианства и признанию примата Западной церкви над Восточной. Но на том историческом этапе Западу пришлось довольствоваться лишь частичным успехом — падением Империи и Великим церковным Расколом, — оставив окончательное решение «восточного вопроса» на долю современных крестоносцев.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906880-44-4

© Катюк Г.П., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Катюк Георгий Петрович

ЗАПАД И РУСЬ: ИСТОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Редактор *Н.В. Мезина*

Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 31.08.2016.

Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-44-4

9 785906 880444 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Правда о похищении Европы	6
Вступление	9
1. Катаризм: ересь или официальная религия?	13
2. Всегда ли евреи были «гонимыми»?	34
3. Еврейство как синоним ростовщичества	41
4. Неизвестный иудаизм	58
5. Римская империя евреев	67
6. О причинах антисемитизма	83
7. Павликиане, или Второе рождение публикан	92
8. Загадка армянской дуги	99
9. А судьи кто?	113
10. Окситания как средневековый «Древний Рим»	119
11. Заблудшие во времени и пространстве	125
12. Об истинной подоплеке крестоносного движения	136
13. История как роман	156
14. Тамплиеры: жизнь после смерти	168
15. «Воины Христовы» или «настоящие израильтяне»?	174
16. И снова катары	181
17. «Возлюбленные чада» св. Бернара и их «тайная доктрина»	188
18. Отречение без отречения	197
19. «Старшая дочь церкви»	216
20. Была ли священной «Священная Римская империя»?	225
21. Похищение Европы: как это было	236
22. Не ошибался ли Филофей?	253
Заключение	264
Библиография	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Правда о похищении Европы

Выглядит необычным, но фабула этого произведения окончательно оформилась лишь тогда, когда оно близились к завершению. Именно в это время мне пришла в голову мысль, что все написанное, — а речь шла о событиях Средневековья, — сильно смахивает на сюжет одного «очень древнего» мифа — мифа о похищении красавицы Европы Зевсом, обратившимся в быка.

То, что «античный» миф оказался при этом моложе лет эдак на тысячу с лишним, не показалось мне удивительным. Историография изобилует подобными анахронизмами. Более впечатляющим выглядело практически полное совпадение его сути с основной идеей произведения. Это не могло быть случайностью. Миф, скорее всего, описывал эзоповым языком события, превратное представление о которых я как раз и намеревался разрушить своей работой.

Понятно, что ничего принципиально нового в уже почти завершенное произведение это запоздалое открытие внести не могло. Да от него этого и не требовалось. Достаточно было того, что оно укрепило меня в моей правоте, подчинило все части произведения единой идее. А еще оно придало ему актуальности, обнажив исторические корни современного противостояния «Восток — Запад».

Изначально же целью работы было решение сугубо исторических задач. Планировалось показать истинное положение дел в религиозной и политической сферах в эпоху Крестовых походов, вскрыть подлинные мотивы и цели крестоносного движения. Многие на фоне политической обстановки того времени казалось странным и нелепым. Представлялось анахронизмом, например, так называемое «авиньонское пленение пап». Наводили на размышления некоторые детали таких знаменательных событий, как Альбигойский крестовый поход и как бы случайный захват крестоносцами Константинополя в результате IV Крестового похода. Выглядело так, что за мелкими фигурами венецианского дожа и сына свергнутого византийского императора, якобы спровоцировавших этот захват, стояли игроки иного, действительно глобального масштаба, жаждущие коренного передела политической карты мира того времени. И вовсе не о помощи единоверцам шла речь в их планах. Напротив, Византии в них была отведена жалкая роль. Явно не ошиблись тогда дверью крестоносцы, «заглянув» в Константинополь вместо Палестины.

И вот еще с чем хотелось бы определиться в связи со всем этим. Если поход тот был направлен против братьев по вере, коими считаются византийцы, то отчего он тогда именуется «крестовым»? То же касается и катар, которые, как считается, не только по вере были братьями французов, но еще и по крови. Где логика? Ведь тем самым катары с греками ставятся на одну доску с нехристями-сельджуками. Внутренняя ересь? Да, но ведь христианская! А может и вправду они не христиане, а турки, соответственно, не враги Константинополя? Вроде бы «детские» вопросы с точки зрения традиционной истории, но оказалось, что они очень даже уместны.

Я уже касался этой темы в своей предыдущей работе, но в рамках других задач¹. Упор тогда делался на происхождении еврейства, в связи с чем позиция катаров, например, их подлинная роль в жизни средневековой Европы и их связь с тамплиерами, — как оказалось, еще одним проявлением византийства, — были даны лишь схематично.

Не стану пока распространяться о связи всех этих вопросов с мифом о похищении Европы. Всему свое время. Что же до их актуальности, то они помогли вскрыть корни *drang nach Osten* — перманентного натиска на Восток, на острие которого оказывалась и оказывается Россия. Расхожее мнение о том, что виной всему природные богатства этой страны, на которые якобы положили глаз западные толстосумы, звучит неубедительно. Не только в этом дело. Выясняется, что натиск этот, как и вообще русофобия, есть продолжение политики того же Запада в отношении Византии, одной из восприимчивых которой и стала Россия — «Третий Рим», по выражению монаха Филофея². Даже став центром влияния, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни — патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии стала Россия.

Постараюсь восполнить все эти пробелы в данной работе. Думаю, многое прояснится после этого. В том числе и то, каким образом и у кого на самом деле оказалась похищенной Европа.

¹ См.: Катюк Г.П. Израиль, которого не было, или Подлинная история еврейского народа. — М.: Алгоритм, 2014.

² В 1523—1524 гг. в своем письме к дьяку Мисюрю Мунехину псковский монах Филофей написал следующее: «Так знай, христолюбец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в единое царство нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

Вступление

Ибо ничто не пропадает бесследно, ничто и никогда. Всегда есть ключ, оплаченный чек, пятно от губной помады, след на клумбе, презерватив на дорожке парка, ноющая боль в старой ране, первый детский башмачок, оставленный на память, чужая примесь в крови. И все времена — одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них, и глаза их из сумрака вызывают к нам. Вот, во что мы верим, историки.

И мы любим истину.

Роберт Пенн Уоррен.

«Вся королевская рать»

...Уже почти год десяти тысячное войско французского сенешаля Гуго де Арси осаждало крепость Монсегюр — последний оплот еретиков-катаров, против которых папой Иннокентием III (правил в 1198—1216 гг.) был объявлен Крестовый поход. Нельзя сказать, что крепость была так уж неприступна. Гора, вершину которой она венчала, достигала в высоту 1200 м, но ее склоны были достаточно покатыми, чтобы можно было их преодолеть без особого риска для жизни.

Крепостные стены Монсегюра также не впечатляли. Их высота была не более трех с половиной метров. Ничтожным в сравнении с армией осаждающих был и гарнизон крепости. Ее удерживало три-четыре сотни защитников, из которых далеко не все имели право пользоваться оружием. Тем катарам, которые в результате обряда *consolamentum* (катарское «крещение» наложением рук)

стали «совершенными» (*perfecti*), в соответствии с доктриной учения запрещалось применять оружие.

Сейчас можно только догадываться о причинах столь долго длящейся осады. Скорее всего, сенешалю просто не хотелось терять людей. Монсегюр был последней катарской крепостью на пути крестоносцев. Покорение южной Франции было в основном завершено еще в 1229 году, когда покровитель катаров тулузский граф Раймонд VII подписал унижительный договор о передаче дотоле независимых областей Окситании французской короне. Так что можно было не торопиться, уповая на то, что защитники, страдаемые голодом и жаждой, в конце концов сами сдадутся на милость победителю. Тем более что взять Монсегюр приступом без больших потерь все равно не удалось бы.

Но время шло, а крепость все держалась. Крестоносцы недооценили запас ее прочности. Дело в том, что, во-первых, в ней заранее были созданы огромные запасы продовольствия и оружия, а во-вторых, существовало сообщение между обороняющимися и жителями деревушки Монсегюр, благодаря которому как в провианте, так и в свежем пополнении из смельчаков, готовых постоять за дело веры, не было недостатка. Крестоносцы не могли проконтролировать все горные тропинки, ведущие в замок. Слишком широкой была гора у основания, и полностью перекрыть подступы к ней не удалось.

Однако ничто не вечно, и удача стала изменять оборонявшимся. Случилось это из-за успеха баскских (чуть не сказал «сепаратистов») рутьеров (от «рейтар», «рыцарь»; здесь — наемник, солдат фортуны), пиренейских горцев, нанятых сенешалем. Этим непревзойденным скалолазам удалось овладеть небольшим уступом на восточном склоне горы, метрах в восьмидесяти ниже замка.

Это стало началом конца Монсегюра. Крестоносцы соорудили на уступе катапульту и стали методично об-

стреливать барбакан — деревянный балкон, позволявший защитникам контролировать наиболее доступные для нападения тропы. В концов концов пал и барбакан, и осаждающие взяли под контроль все подходы к крепости, которая, таким образом, оказалась отрезанной от внешнего мира.

Дальнейшее сопротивление стало терять смысл, и вскоре осажденные пошли на переговоры. Условия сдачи крепости, выдвинутые крестоносцами, были на удивление мягкими, однако не таков был характер ее защитников. 14 марта 1244 года катары, еще не прошедшие обряд *consolamentum*, взойшли на крепостные стены и совершили его. Отныне смерть им была не страшна, и 16 марта, так и не раскаявшись, хотя условия капитуляции предполагали жизнь и даже свободу в обмен на раскаяние, они были сожжены у подножия горы в деревянном сарае, после чего та местность получила название «Поля сожженных» (*Prat dels Cremats*).

Сожженных было двести или двести пять человек. (Впрочем, называют и другие цифры.) Крепость по приказу папы была скрыта, что не оставило нам возможности лицезреть ее оригинал, но лишь дубликат, построенный в XVII веке. Впрочем, и от дубликата остались к настоящему времени одни руины, всем своим бесформенным видом как бы предупреждающие о тщетности попыток разгадать тайну популярного движения.

А в том, что тайна существует и по сей день остается нераскрытой, нет никакого сомнения. Причем заключается она отнюдь не в традиционном, набившем оскомину вопросе, куда делись сокровища, будто бы вынесенные из крепости четверьмя ее защитниками за день до роковых событий. Точнее, не только в этом вопросе. Кем на самом деле были катары, в чем подлинная суть их учения и деяний — вот что не дает покоя. Думается, от ответа на

эти вопросы напрямую зависят и возможность раскрытия тайны сокровищ (или реликвий).

Вроде бы все здесь уже разложено по полочкам. Кажется невозможным, что после стольких лет скрупулезных исследований что-то могло ускользнуть от внимания ученых. И все же остается ощущение какой-то недосказанности, смутное предчувствие того, что мы столкнулись с чем-то большим, чем специфический феномен юга Франции и севера Испании XII — XIII вв. Не верится в рассказы о «ереси» местного розлива. Слишком уж обширные связи и аналогии обнаруживаются у катаризма с другими религиозными доктринами и движениями, не исключая даже современных. Это и мучает подспудно исследователей, заставляя их вновь и вновь обращаться к этой теме.

Не Сизифов ли это труд? Трудно поверить, что факты, некогда ускользнувшие от внимания, увидят свет после восьми веков забвения и замалчивания. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Если не осталось фактов — остались противоречия в трактовках. Они-то и станут нашей путеводной нитью.

1. Катаризм: ересь или официальная религия?

А противоречий в сведениях о катарах хоть отбавляй. Уже само употребление понятия «ереси» по отношению к этому явлению вызывает вопросы¹. Со многими вещами оно не стыкуется. Например, с массовостью движения, которое только во Франции охватывало огромные территории, неподвластные короне. Можно ли считать еретиками проповедников, под влиянием которых находилось или хотя бы симпатизировало им население практически всего северного Средиземноморья, включая западные склоны Пиренеев? (И даже это не все. Влиятельные общины катаров существовали в Италии, Германии, Англии, Фландрии, Греции и других европейских странах. Катарами были боснийцы. Вообще же Балканы были охвачены учением богомилов, отличающимся от катаризма, пожалуй, только названием.)

Не слишком ли большие масштабы для ереси?

Уже одно это обстоятельство заставляет поверить скорее в еретичность католицизма, чем катаризма. В этом же убеждает отнюдь не мимолетный характер присутствия учения на указанных территориях. Его, конечно, стараются загнать в узкие временные рамки, пытаясь убедить нас в том, что оно распространилось во Франции буквально

¹ По местечку Альби, где она получила наибольшее распространение, ересь еще называют «альбигойской».

но перед началом альбигойских войн¹. Вспыхнуло-де, как огонь, охвативший вязанку сухого хвороста, и так же быстро погасло. Такова позиция официальной церкви, и она вполне понятна. Ей, конечно же, хочется представить катаризм в качестве досадного недоразумения в сравнении с освященным веками католицизмом. Так, наверное, поступают с побежденными все победители. *Vae victis!*²

Между тем некоторые источники упоминают о катаризме как о стародавнем учении местного происхождения. А по свидетельству монаха Эвервина из Штайнфельда, сами катары считали свое учение чрезвычайно древним, полагая его родиной Древнюю Грецию³.

Трудно поверить, что религия могла принять массовый характер и распространиться на огромной территории в столь сжатые сроки при отсутствии сколько-нибудь действенных средств коммуникации. Причем без каких-

¹ Первые упоминания о катарах и богомилах относятся к XI—XII веку. Вообще в это время было распространено множество учений и сект, которые, не являясь катарскими по названиям, были чрезвычайно близки им по духу. Они отрицали действенность многих церковных таинств, в том числе таинства исповеди и таинства брака. Последнее, кстати, тогда только начало вводиться католической церковью, как бы подтверждая мысль о том, что именно катары были ортодоксами, а не католики, отошедшие от веры отцов. А еще данные секты, или, лучше сказать, группы единоверцев, подобно катарам критиковали культ распятия как орудия казни, отрицали догмат о человеческой природе Христа, отвергали иконопочитание. В 1022 году за подобные взгляды были сожжены на костре двенадцать каноников Орлеанского кафедрального собора. В этом же году ересь обнаружилась в Тулузе, Аквитании и северной Италии (ересь замка Монфорт). Во Фландрии таких проповедников называли «фифлами», в Италии — «патаренами». Если учесть, что окончательный разгром окситанских катаров датируется 1321 годом, когда по приказу архиепископа Нарбонны был сожжен Гийом Белибаст — последний из инициаторов так называемой «Реконкисты братьев Отье», то официальная история отводит катаризму триста лет существования.

² *Vae victis!* (лат.) — Горе побежденным!

³ *Anne Brenon. Les Cathares, Albine Michel, 2007, p. 54.*

либо существенных искажений в различных регионах. Такое характерно лишь для представлений, отшлифованных и принявших законченный вид в ходе многовековой передачи от поколения к поколению и обретших в итоге силу традиции. Да и странную привязанность к «ереси» огромных масс людей, готовность идти ради нее на смерть, легче всего объяснить с помощью той же силы. Вряд ли такая готовность была бы проявлена окситанцами ради доктрины каких-то «понаехавших» из балканской глубинки, в данном случае — болгарских богомилов.

Показателен в этом плане сюжет, приведенный Люшером Ашилем — писателем, которого трудно упрекнуть в отсутствии лояльности к официальному мнению на проблему. В 1203 году Петр (Пьер) де Кастельно, папский легат, дабы получить расположение жителей Лангедока, подтвердил все их муниципальные вольности, но взамен потребовал от них клятву в верности католичеству. «Эта клятва, — добавил он, — не нанесет никакого урона вашим свободам. Именем Папы мы подтверждаем ваши обычаи и ваши привилегии; но те, кто откажется ее принести, будут преданы анафеме»... Тулузцы согласились и поклялись. Но когда легат сверх того захотел их заставить изгнать еретиков, горожане уперлись. Пришлось припугнуть их гневом князей и королей, нависшим над их головами, перспективой разорения их города и уничтожения богатств. «Они уступили, — пишет монах из Сернея, — силе и из страха. Но едва посланцы Папы уехали, они вновь стали собираться по ночам, чтобы слушать проповедь сектантов. Ах, как трудно отказаться от своих повадок!»¹

Вряд ли подобное стало бы возможным, будь эти повадки лишь сиюминутным капризом.

¹ *Люшер Ашиль*. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. — СПб.: Евразия, 2003. С. 93.

Нас пытаются убедить в том, что Окситания «приняла общины катаров». Тем самым создается образ эдакого бродячего юродивого, которого просто пустили переночевать из жалости. Но факты говорят об обратном. Катары не были здесь гостями. Они были хозяевами замков, аристократией Лангедока. Ведь говорят же: «катарские замки», а не «замки, приютившие катаров».

Неизвестно в точности, был ли катаром хозяин этих мест граф Тулузы Раймонд VI. Скорее всего, был (во всяком случае, так утверждал Петр из Во-де-Сернея, хронист Симона де Монфора), но политические интересы вынуждали его мимикрировать под католика. В этом не будет ничего удивительного, если вспомнить, что за самим императором Римской империи германской нации Фридрихом II Гогенштауфеном водился такой грешок. Я имею в виду не приверженность к катаризму, а мимикрию. Император был католиком, но его католическая ориентация носила во многом показной характер. Хорошо известна характеристика, данная ему папой Григорием IX: «Этот король чумы утверждает, будто бы весь мир (воспользуемся его словами) был обманут тремя мошенниками — Моисеем, Мухаммедом и Христом, — два из которых почил в славе, а третий — висит на деревяшке... Эту ересь оправдывает он заблуждением, что якобы человек вообще не имеет права верить во что-либо, что не может быть выявлено природой и разумом»¹.

Впрочем, нельзя отрицать определенные симпатии императора и к катаризму. Известно, что гиббелинские города Италии, — а Фридрих II принадлежал к партии гиббелинов, оппозирующей папистам-гвельфам, — лояльно относились к катарам.

¹ *Глогер Бруно*. Император, бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде. — СПб.: Евразия, 2003. С. 115.

Как видим, не только в Окситании, но и в Священной Римской империи католицизм не занимал достаточно прочных позиций. Что же касается Раймонда VI, то он за покровительство катарам был дважды подвергнут отлучению. Причем причина второго его отлучения, — убийство графским служащим в 1208 году папского легата Пьера де Кастельно, — была настолько серьезной, что послужила одновременно и поводом к началу Альбигойского крестового похода.

Скорее всего, катаром (хотя бы втайне) был еще один хозяин тех мест — Раймонд-Роже де Тренкавель, племянник и вассал Раймонда VI, виконт Безье, Каркассона и Разеса. Его история трогательна. В 1209 году при осаде его родного Каркассона войсками Симона де Монфора он, предчувствуя скорое падение крепости, предложил себя в заложники в обмен на жизни ее обитателей — катаров и евреев. Горожане покинули город целыми и невредимыми, однако сам Раймонд-Роже погиб в заточении у Монфора. Еще один штрих к портрету отважного виконта: его опекуном в детстве был Бертран де Сессак — известный катар.

То есть сказать, что движение катаров имело лишь духовную основу, было бы неверно. Катары помимо всего прочего принадлежали к аристократии Лангедока и поддерживались ею. Причем это была военная аристократия со всеми присущими этому явлению атрибутами — крайней воинственностью, жестокостью и нетерпимостью к любым проявлениям инакомыслия. Уже сам грозный вид и неприступность катарских замков отнюдь не гармонировали с их характеристикой как «добрых людей» или «добрых христиан». Катарское рыцарство вовсе не чуралось насилия и убийств по отношению к своим врагам. Поверить в это, в особенности после рассказов об отказе катаров отнимать жизнь не только у людей, но даже у жи-